

ЯКОВ ГОРДИН

Герои поражения

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г68

Гордин Я.

Г68 Герои поражения : [исторические эссе, проза] / Яков Гордин ; [предисл. С. Лурье]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 407 с. — (Серия «Пальмира — эссе»).

ISBN 978-5-517-09585-5

Яков Гордин — известный российский прозаик и публицист, автор многих книг на исторические темы: «Гибель Пушкина», «Мятеж реформаторов», «Меж рабством и свободой», «Переключка во мраке», «Крестный путь победителей», «История великой утопии. Мысль и судьба Льва Толстого» и др.

Настоящий сборник представляет избранные эссе автора, посвященные ключевым моментам российской истории XVIII–XX веков. Исследуя столь широкий временной период, Гордин стремится преодолеть дискретность, свойственную большинству исторических повествований, и приблизиться к пониманию скрытых взаимосвязей отдаленных событий. Результатом избранной оптики становятся неожиданные сближения и смелые параллели, позволяющие увидеть подводные течения истории, которые незримо определяют ее движение.

«Историю пишут победители» — гласит известный афоризм. Книга Гордина заставляет с осторожностью отнестись к этим словам, ведь конечное торжество обещано одной лишь истине, свет которой нередко являет себя в жизни других героев — героев поражения.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Гордин Я. А., 2023
© Лурье С. А., наследники, предисловие, 2023
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

ISBN 978-5-517-09585-5

ОПЫТ ПОНИМАНИЯ УМОМ

Жанр: философская эссеистика. То есть такая проза, в которой идеи живут как самостоятельные сущности, как действующие лица, наравне с людьми (впрочем, те, как правило, гибнут — за идеи либо из-за).

Область исследуемых фактов: политическая история России.

Тема: неудачи умных и храбрых. И вообще — почему почти никогда ничего не получалось, а если получалось, то страшной ценой, с огромным опозданием, ненадолго и не то.

Главный герой: призрак свободы.

Определение свободы: формально — не дано. И насколько я понимаю, книги этого автора нарочно так устроены: вот, дескать, вам, дорогой читатель, подходящий повод хорошенько подумать, прикинуть, взвесить — точно ли она вам нужна, эта прекрасная вещь — свобода? насколько нужна? для чего? что вы стали бы с нею делать, если бы вдруг (чего, вообще-то, не бывает) досталась даром? а как насчет, в случае чего, заплатить: чем вы готовы были бы рискнуть?

Разобраться, зачем она *мне*, — наилучший способ способ понять: что́ она такое. И — как *мне* жить, чтобы она наступила хоть когда-нибудь.

Педагогический такой прием, методический такой: а давайте попробуем, просто для разнообразия, думать отчетливо.

Автор ведь — интеллигент и сын и внук интеллигентов и принадлежал к данной, так сказать, прослойке, пока она не перестала существовать. (И — даже впоследствии, когда она — совсем уже ненадолго — превратилась было в передовую общественность.) И ничто не раздражало его сильнее, чем приносящая этой славной среде весьма начитанных личностей политическая невинность.

В свое время и в сочетании с политической немотой эта черта не выглядела такой уж отвратительной. Не говоря уже — спасала жизнь.

А вот когда вдруг объявили: слово предоставляется; скажите всё, о чем так долго молчали, — не бойтесь, не тронем, — какая открылась идейная нищета! какая бессвязность понятий; истерическое легкомыслие — это бы куда ни шло, — но и какая самоуверенная болтливость! Миллионы ничем не обеспеченных фраз. Девальвация. Банкротство.

Положим, мы не виноваты. Политическая теория уплыла из России на двух пароходах еще в 1922 году.

Лично я, например, до самой перестройки ни разу в жизни не слышал словосочетания «разделение властей».

Про ту же свободу в книгах попадались почему-то исключительно нелепости. Типа что она откуда-то приходит, почему-то нагая, бросая на сердце цветы.

Удивительно ли, что, имея дело с такими читателями, автор вынужден немножко принуждать их к дисциплине ума. Чтобы сами по ходу изложения сообразили: неужто свобода — дура; с какой это радости стала бы она разгуливать в подобном виде?

И вообще — так не бывает, чтобы она взяла и пришла. Как, допустим, время года. Или как в гости.

А как бывает? О чем и речь. Про что и книга.

Автор: именно тот человек, которому есть что сказать.

Вот уж кто не нуждается ни в чьих дифирамбах. Известен, уважаем и любим. Практически — классик. Полка написанных им книг стоит любого университетского курса. (А уж с моим Ленинградским ордена Ленина ЛГУ имени Жданова и не сравнить.)

Есть среди них такие, что просто обидно было бы не прочитать, — мои, по крайней мере, представления об очень важных сюжетах были бы гораздо бедней и темней.

Без большой книги Якова Гордина о 14 декабря — с названием обдуманым, а таким не заманчивым: «Мятеж реформаторов». (Нанял бы он, что ли, кого-нибудь — придумывать заглавия; хотя, несомненно, умеет и сам не хуже никого, вспомнить хотя бы: «Вашу голову, император!» — была у него такая пьеса; но, видать, слишком дорожит точностью; небось думает — точность бесценна.) До Гордина это было просто собрание схем — многие подтвердят, я почти не шучу: вот неправильный прямоугольник — Сенатская площадь, заштрихованный кру-

жок пониже центра — Медный всадник, цифрами обозначены воинские части, красным пунктиром — положение искренних выразителей, черным — типичных представителей. Вообразите, если хотите, четыре пушечных залпа, — и это всё.

Гордин что-то такое сделал с фактами (или они что-то сделали с ним: собравшись в огромном количестве, привиделись ему подряд и превратились как бы в воспоминание, как если бы он сам участвовал в заговоре и приходил на площадь, но сумел скрыться), — эти самые факты без малейшей перемены выстроились по смыслу и сами себя рассказали голосами тогдашних людей, на глазах превращаясь в их судьбы.

Скажем прямо: Гордин этих несчастных — декабристов — спас. (И между прочим — хотя это очень существенно — не отрекся от них потом, в пресловутые наши дни.) А как еще это назвать: был столбец фамилий (с датами в скобках) — стали опять лица, характеры, мнения. Реальные люди. Порезальней — да и посимпатичней — многих нынешних.

Правда, я подозреваю, что в книге Гордина они немножко умней, чем были тогда, в 1825-м. Он склонен выводить актеров — идеологами. Вообще почти всегда недооценивает роль глупости, случайности и страстей.

Люди у него живут, как мыслят.

Но будь иначе — кто, кроме сугубых специалистов, стал бы читать его в полном смысле ученый труд про какого-то там князя Дмитрия Голицына. Восемнадцатый век, первая треть — ну кому какое дело, о чем препирались на своем чудовищном воляпюке эти страшные и забавные существа в пудренных париках.

Кто бы поверил, что интеллектуальный уровень дискуссии был повыше, чем на знаменитом Первом съезде народных депутатов СССР, а повестка дня — почти та же самая.

Это очень, очень серьезная вещь — «Меж рабством и свободой». Политический триллер — и политический же катехизис. Тоже и без нее не обойтись.

Ну а в «Право на поединок» возвращаешься, как все равно домой: сплошь знакомые имена. Как будто к вам в руки попал мемуар самого осведомленного из современников Пушкина. Только с так называемым «воздухом времени» произведен странный и трудный опыт, наподобие физического: воздух

удален, перед нами историческое время в чистом виде — вещество, состоящее из человеческих мыслей, в значительной степени — из надежды на другое, на лучшее время, на будущее, а без нее настоящее сворачивается, тускнеет и гаснет, и даже Пушкину не хочется жить.

Про «Крестный путь победителей» скажу только вот что: это превосходный роман. И по-моему, его герой необыкновенно похож на автора.

Казалось бы — что общего? Якова Гордина так и видишь в академической шапочке и в мантии — оксфордской, скажем. Так и слышишь приветственные речи, в которых обязательно его наименоуют: последний русский историософ.

И это будет сушая правда. Он добывает из истории — смысл.

Но — не отделяя (может быть, и не отличая) этот смысл от смысла собственной жизни. По роду занятий просветитель, по призванию он — деятель. Не теоретик, а стратег. Хотя полагает главной задачей текущего момента — анализ тактики.

Он написал не четыре книги, а двадцать четыре или даже больше. В этой — будем считать ее двадцать пятой — сходятся основные мотивы всех остальных.

Можно читать ее как конспект исторической концепции. А можно — как политическую программу приличных людей.

Для меня интересней всего было следить за роковой схваткой грамматических наклонений: вроде бы вот-вот сослагательное — несравненно более предпочтительное — прорвется в реальность; но не тут-то было: бессмысленное изъявительное непременно применит какую-нибудь бесчестную уловку и опять сделает его тем, чему не бывать.

Полвека назад в 31-й аудитории филфака был студенческий диспут. Яков Гордин сказал блестящую речь. Я тогда услышал его впервые. Восхитился. Текстом, интонацией, осанкой, поведением. Он сразу показался мне таким, каким и оказался по ходу дальнейшей жизни: умным, смелым и — тогда еще было это смешное слово — принципиальным.

Так и восхищаюсь с тех пор; привык, знаете ли, за столько лет.

ГЕРОИ ПОРАЖЕНИЯ

Посвящается Наталии Рахмановой

Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной.

Петр Чаадаев. Апология сумасшедшего. 1837

Надо понять, что позади нас не история города Глупова, а трагическая история великой страны, ущербленная, изувеченная, но все же великая история. Эту историю предстоит написать заново.

Георгий Федоров. Лицо России. 1918